

— Тайхо, вы в порядке? — спросила Риби.

— Я в порядке, в порядке, — Рокута сверкнул улыбкой. — Что касается тюрьмы, здесь всё не так уж плохо. Мебель лучше, чем я мог себе представить.

Оглядев комнату, он задумался о том, для чего она изначально предназначалась. Комната хоть и не была просторной, но мало напоминала традиционную тюремную камеру. Казалось, она была высечена из белой скалы. В задней части был спальный уголок с кроватью. Диван занимал часть комнаты, отделенную ширмами.

В углу находились колодец и таз с водой, а также набор кухонной утвари. Когда он смотрел вверх, высокий потолок почти вызывал головокружение — в скале был вырублен световой люк. Он пропускал естественный солнечный свет с рассветом.

— Итак, Риби, ты сможешь присмотреть за ребёнком? — улыбнувшись, спросил Рокута.

Риби немного покраснела.

— Я тоже задаюсь этим вопросом. Это не совсем моя сильная сторона.

— У тебя нет детей?

— Давным-давно у меня были муж и ребёнок. Наши пути разошлись, когда меня назначили министром. Это было во времена правления предыдущего короля, так что прошло довольно много времени.

— Разве вы оба не были внесены в список сэннин?

— Мой муж был против.

— Я понимаю.

Для людей, становившихся чиновниками при дворе короля или в провинциях, такие расставания были неизбежными. Ближайшие родственники могли быть внесены в Список Сэннин, однако более дальние родственники не имели такой возможности. И хотя они могли рассчитывать на привилегии при будущих встречах, из-за течения времени те, кто стали сэннин, теряли множество друзей и родственников.

— Что с твоей свитой?

Инспекторы обычно путешествовали с несколькими личными помощниками и слугами.

— Я предполагаю, что их задержали. Я не слышала, чтобы кого-то казнили, поэтому я надеюсь, что они находятся под домашним арестом в каком-нибудь безопасном месте. Остальные посланники короля, вероятно, находятся в таком же затруднительном положении.

— Что ж, приятно это знать.

Шесть государственных служащих были отправлены в качестве инспекторов, чтобы «наставлять» каждого прошлого наместника провинции и главу Риккан. Их работа заключалась в том, чтобы вернуть наместника провинции на правильный путь, проинструктировать его о том, как работает новый режим, и исправить любые ошибки, допущенные на этом пути. Но поскольку они в основном имели дело с кучей трусливых стариков, от этих усилий было мало пользы — и, если уж на то пошло, особого вреда.

Вот так Эн вышел из-под контроля.

— Как дела, Риби? С тобой ничего не случилось?

На её лице появилось обеспокоенное выражение.

— Полагаю, я должна считать, что была благословлена. Ацую ещё не отклонился далеко от Пути.

— Что с Ацую? И что насчёт наместника провинции?

— Я слышала, что у наместника провинции плохое здоровье. Он уединился глубоко во дворце и остается полностью вне поля зрения, оставив всё на Ацую.

Риби качала ребёнка на руках. С тех пор, как его извлекли из клюва ёма, он крепко спал.

— По слухам, циркулирующим в министерстве, его разум не совсем здоров, и он не в состоянии выполнять свои обязанности. Раньше он жил в постоянном страхе перед прошлым королём. Даже сейчас, кто бы что ни говорил, он отказывается выходить за пределы Внутреннего Дворца. И всё же он когда-то, кажется, наслаждался моментами здравомыслия, во время которых он вызывал своих министров и издавал указы. С тех пор его состояние ухудшилось. Он убеждён, что его вассалы — убийцы, подосланные покойным королём. У Ацую не осталось иного выбора, кроме как вмешаться, чтобы удержать правительство от развала.

— Хм.

— Это верно. Я никогда не ожидала, что Ацую прибегнет к таким возмутительным и диким

мерам. Он не до конца растерял свою нравственность, и утверждает, что делает это ради своих подданных.

— Ганбоку определённо процветает. Я был удивлён тем, какой это великолепный город.

— Ацую — способный управляющий. Он на удивление хорошо справился с наложенными на него ограничениями, не имея фактической руководящей власти.

— Нельзя отпускать Шорью с крючка. Он уваливал слишком много раз.

— Ты не можешь иметь в виду... — обеспокоенно сказала Риби. — Он смотрит на мир глазами короля, а не одного из нас. Не в силах понять, о чём думает король, Ацую потерял терпение и начал действовать опрометчиво. Его вассалы и подданные любят и уважают его, но я боюсь, что всё это обожание ударило ему в голову.

— Я догадался.

— Кроме того, — произнесла Риби, глядя на ребёнка. — Как вы на самом деле себя чувствуете, Тайхо? Вы выглядите бледным.

— Ага, — Рокута кивнул и сел на диван.

— Если вы устали, лучше прилягте и отдохните.

— Хороший совет.

Он растянулся на диване. Идти через комнату к кровати было слишком трудно.

— Тайхо?

— Кровь попала на меня... Извините, но я думаю, что пока воздержусь от разговоров.

— Кровь?

— Когда умер Экишин.

— Экишин, — Риби чуть не задохнулась. — Разве он не был одним из офицеров Сейшоу?

— Да. Он совершил неправильный поступок по правильной причине.

Замешкавшись на мгновение из-за незнания, что делать с ребёнком, Риби положила его на стол и подошла к дивану.

— Извините, — сказала она и приложила тыльную сторону ладони ко лбу Рокуты. Белый камень был горячим на ощупь.

— У вас лихорадка.

— От крови мне становится плохо.

— Вам больно?

— Я могу это выдержать.

— Извините, что спрашиваю, а этот Шаши — ваш знакомый?

«Шаши», — повторил Рокута про себя, а затем вспомнил, что Шаши называли министра, который командовал личной охраной наместника провинции. Шаджин отвечал за безопасность короля. Для командующих охраной тех, кто имел ранг ниже, эта должность называлась Шаши, хотя на самом деле именно Дайбоку выполнял повседневные обязанности.

— Значит, Койя — это Шаши. Он действительно закрепился в мире.

— Он обладает самой необычной способностью — он смог приручить ёму.

— Он не столько приручил этого ёму, сколько тот воспитал его.

— А?

— Извини, но я объясню тебе это позже. Я действительно устал.

— Я понимаю.

Риби кивнула. Рокута закрыл глаза. Опьяняющий запах крови давил на него, как мокрое и вонючее одеяло.